

От редакции

№ 14 «Нового Града» выходит в напряженное страшное время. Всю эту зиму и весну мы живем под угрозой войны — не где-то там, в отдалении, а совсем близко, вплотную подошедшей к нам: не сегодня-завтра, и мы проснемся под грохот воздушной атаки, среди обвала домов и ползущих ядовитых газов. Единственное облегчение — сознавать, что это состояние стало хроническим и что несколько месяцев тому назад оно было, несомненно, еще более мрачным.

Многие говорят, что мировая война давно уже началась. Она лишь приняла новые, невиданные формы. На некоторых пространствах мировой карты она свирепствует открыто: в Китае, в течение 3 лет в Испании, — с невероятной жестокостью. В других местах, в Средней Европе, война стала латентной или «сухой». Происходят военные действия, передвигаются армии, захватываются целые страны, но пушки молчат — ибо побежденные сдаются без боя. За год, протекший после выпуска последнего номера «Нового Града», Центрально-Европейская Ось завоевала три государства: Австрию, Чехо-Словакию и Албанию. Еще ранее Абиссинию. Сейчас угроза нависла над Данцигом и, следовательно, над Польшей. Но здесь, как известно, и наступил перелом.

Перелом обозначился в тот момент, когда Англия и Франция сказали свое «нет». Дальнейшему наступлению положен предел — покамест, дипломатический. За ним стоит лихорадочное вооружение Англии и милитаризация хозяйства и политики Франции. В то же время идет глухая, но активнейшая работа по созданию и укреплению двух блоков. Кое-какие малые государства Средней и Северной Европы пытаются сохранить свой нейтралитет. На-

долго им это удастся не может. Европа распадается на два гигантских союза, непрерывно вооружающихся и готовых ежедневно вступить в смертельную борьбу.

Мы живем опять, как в грозное лето 1914 года, с той только разницей, что теперь нет места беспечности, что от войны не спрятаться; и все мы знаем, что в случае войны нам ожидать. Теперь едва ли кто-нибудь делает себе иллюзии насчет последствий «победы». Мы знаем по опыту: современная война не знает победителей, — а только побежденных. Разрушения войны и всеобщее оскудение не соизмеримы с политическими преимуществами, которые может дать военная победа. Да и как еще это преимущество будет использовано? Демократическая Европа победила в 1918 году, и перед ней открывались, казалось бы, неограниченные возможности замирения и реорганизации мира. Все эти возможности она упустила и через 20 лет стоит перед тем же врагом, только окрепшим и в своей жестокости, и в своей воле к мировому господству.

Если вдуматься в те силы, которые помешали гуманитарно-демократическому замирению Европы, то мы увидим, что они сводятся все к последствиям войны. Это глубокое моральное потрясение кровавых лет, которое не проходит, а углубляется и поражает мало-по-малу все области культурной жизни. На одной стороне это мстительность, комплекс унижения, жажда реванша, вера в насилие и презрение к человечности. На другой — страх, подозрительность, малодушие... Фашизм — как и коммунизм — прямое наследие войны. Демократия не может существовать в обществе, которое живет для войны или которое в войне почерпает весь свой социальный и политический опыт. Это создает, конечно, большое неравенство между странами демократии и фашизма по отношению к войне. Демократия ненавидит войну — совершенно искренно, от Блюма до Чемберлена: в войне она может найти свою гибель. Фашизм в войне обретает источник своих сил. Чем более грубеет и дичает общество, тем легче оно фашизируется. Не война сама по себе останавливает фашистских вождей, а перспектива разгрома и личной гибели.

Это неравенство усугубляется еще различным отношением к культуре. Современная демократия благоговеет перед культурой, как системой накопленных ценностей. Гибель библиотек, музеев, соборов для нее невыносима. Фашист с легким сердцем идет на разрушение культуры. Вандал по инстинктам, он приветствует полудикую жизнь в джунглях, то новое «здоровое» и беспамятное варварство, в которое он готов ввергнуть Европу.

Что делать? Демократии нечего стыдиться этой своей слабости. Демократия создана не для войны, а для мира. Наиболее совершенные, тонкие и сложные формы общественного строя отказываются служить в условиях варваризации. Война всегда означает затмение демократии. Но если Европа выживет и выйдет из фазы войны, в которую она вступила, будет жить и демократия, реформированная и обновленная. Не выживет — вместе с нею погибнет и демократия, конечно. Но для демократии обязательно приспособление к новой суровой обстановке войны. Ей приходится взять нечто от своего врага, чтобы спасти остальное. Она берет авторитарные формы, порой диктатуру, но отвергает тоталитарность. Англия переходит к принудительной военной службе, что для нее всегда казалось равносильным рабству. Франция отказывается от громоздкой парламентарной машины и переходит к личному режиму. Что это, измена? Нет, единственное средство спасения. Диктатура есть неизбежное дополнение демократии, — спасительное, поскольку она строго ограничена временем и функциями и роковое, — поскольку вырождается в тиранию. О последнем вырождении для демократий Западной Европы смешно пока и говорить.

Поскольку демократия сохраняет свое настоящее духовное лицо, она не может легко идти навстречу войне, не может играть в расчете на победу. Весь смысл ее трагической игры — в предотвращении войны. Этим, а не одним лишь страхом, объясняется, лишенное внешнего достоинства, поведение в дни Мюнхена (сентябрь 1938 года). Эта дата останется, конечно, одной из позорнейших в истории. В результате предательства — гибель Чехосло-

вакии, переход к Германии 1.000.000 солдат, с огромным военным потенциалом. Рядом с этим можно поставить почти сознательную сдачу Испании державам Оси. И все-таки, с последней оценкой событий надо обождать. Кутузов отдал же Москву, а Фабий — Рим. Мы не знаем, какими силами располагали западные державы в дни Мюнхена. Надо думать, что во главе их стояли — и стоят — не круглые идиоты, и их вожди хоть смутно понимали, что они отдают. Надо думать, что они должны были отдать, ибо решающие дни застали их неподготовленными. Демократия пропустила огромное военное возрождение Германии, и за это должна теперь платить. Она и заплатила отступлением последнего года, потерей союзников, германской гегемонией в Средней Европе.

Теперь отступление пришло к концу. Вооружения Англии и моральная перестройка свободных народов делают возможной более активную борьбу за мир. Но мир, а не война и не победа остаются и сейчас последней целью. На чашу мира бросается теперь вся тяжесть современных вооружений. Чтобы спасти мир, нужно иметь подавляющий перевес военных сил на стороне, не желающей войны. В этом сейчас единственный шанс. Достигнут ли уже сейчас такой перевес? Нет, не достигнут, и в этом главная опасность. Враг может ускорить взрыв, понимая, что промедление уменьшает его преимущества.

В таких условиях борьба за Россию приобретает роковой смысл. От того или иного ответа Москвы зависит судьба войны и мира. Россия снова выходит из своей изоляции, в которую замкнул ее Сталин, и становится на путь мировой политики. В каком смысле, мы этого еще не знаем. Когда пишутся эти строки, Москва еще не сделала своего выбора. Если она сохранит нейтралитет (на большее Гитлер вряд ли рассчитывает), Германия, вероятно, поспешит с развязкой. Договорится она с Лондоном, сумеет Сталин преодолеть недоверие и нерешительность старого консерватора, и шансы мира сразу выростут. Вместе с Россией у западных демократий перевес сил обеспечен, и Гер-

мании придется очень серьезно подумать, прежде чем броситься в пропасть.

Появление коммунистического СССР в лагере демократии поднимает вопрос об идеологическом характере обеих европейских коалиций. В какой мере политическая идеология и строй определяют цели борьбы и распределение сил? Вожди западных демократий всеми силами протестуют против «идеологической войны» или против попыток придать назревающему конфликту идеологический смысл: борьба демократий против тоталитарной диктатуры. Присоединение России к демократическому лагерю как будто действительно лишает его всякого идеологического смысла. Что общего между демократией и сталинским фашизмом? Или это «левый» фашизм, и борьба идет между левым и правым фронтом? Коммунизм и демократия, может быть, составляют вместе то, что называется «народным фронтом»? Так хочет понимать дело русская пораженческая эмиграция, вместе с западными коммунистами. Но народный фронт с Чемберленом и французскими консерваторами — это есть уже просто вздор. Всякий понимает, что для Франции и Англии вопрос идет о самосохранении, о жизни, и что они протягивают руку Сталину, преодолевая естественное отвращение. Так много лет тому назад слагалась Антанта, явно лишенная всякого идеологического содержания. Союз западных демократий с русским самодержавием? Но Америка, готовая поддержать сейчас демократическую Европу, поднимает идеологическое знамя. Фашистские вожди без идеологии вообще обойтись не могут. Где правда?

Правда в том, что война, тлеющая в Европе, имеет двойной источник. С одной стороны, это восстание побежденных или неудовлетворенных в 1918 году. Германия, Италия и ряд мелких государств имеют основания требовать нового передела Европы с отменой Версальского мира, который не соответствует новому соотношению сил. Побежденные вчера оказываются сегодня сильными, если не сильнейшими, и предъявляют требования уже не только на равенство, но и на господство. Этот конфликт возник бы,

вероятно, и в том случае, если бы политический строй Германии и Италии ничем не отличался от строя западных держав. Надо признаться только, что в этом случае наше отношение ко многим конкретным вопросам было бы совершенное иное.

Это ясное и простое столкновение интересов осложнилось фашистской революцией. Идеологическая война родится именно в стане побежденных, и эта идеология необычайно затрудняет мирное решение после-версальских проблем. Фашизм, во-первых, провозглашает единственной ценностью в политике народную мощь и экспансию, делая невозможными искренние переговоры на почве права. Во-вторых, с точки зрения экспансии, есть разница между справедливым возвращением своего и захватом чужого. Нет морального предела войне. Она останавливается лишь перед силой, и своим пределом имеет мировое господство. В-третьих, фашизм, сам по себе, есть идеализация насилия и войны. Еще Ницше говорил: «Хорошая война оправдывает всякую цель». Революционный фашизм живет, мыслит и чувствует в духе этой максимы. Вот почему создается глубокая связь между внутренней и внешней политикой фашизма, между тоталитарной тиранией и войной. Россия не составляет исключения. Ее внутренний фашизм неразрывно связан с духом милитаризма. Счастье в том, что Россия находится в состоянии обороны. Ее соседи с Запада и Востока думают об экспансии за ее счет. Поэтому ее воинственность вмещается в рамки обороны и делает ее естественной союзницей западных демократий.

Для демократий — война есть величайшее зло, мир — бесценное благо и право — священо. Конечно, мы говорим о современных демократиях. В эпоху своей революционной юности и они отдали дань Марсу. Но сейчас их идеология располагает к пацифизму.

Будем откровенны. Не все обстоит благополучно и в лагере демократий. Их миролюбие и праволюбие слишком связаны с защитой приобретенных благ. Богатому легко стоять на почве закона. Победителю, навязавшему свой мир, легко говорить о верности договорам. Но в основе

их лежит старая несправедливость, и право давности всего не покрывает. Колониальный раздел мира в значительной мере покрыт правом давности. Но для Версаля эта давность еще не наступила. В любой из речей фюрера и дуче, среди криков безумной ярости попадают слова, которые отзвучат укором в сердце искреннего демократа. Да, все, чего добилась Германия, она получила путем насилия. Пока она была лояльной и участвовала в Лиге Наций, ее третировали. Ее стали уважать и бояться лишь после прихода Гитлера к власти. Версаль и особенно после-версальские годы несут в себе злые силы войны. Версальский договор, в значительной мере, ликвидирован, — но не вполне. И кос-какие лохмотья его помогают облекать в правовые одежды и самые захватнические требования. Известно, какое значение сыграли требования судетского меньшинства в аннексии Чехословакии. Демократическая совесть, а не одна демократическая трусость, была смущена призраком справедливости германских притязаний. Это, во всяком случае, верно для английского общественного мнения. А поскольку эти требования поддерживаются реальной силой, угрожающей взрывом Европы, сопротивляться им особенно затруднительно.

Вот почему, помимо вооружений и вслед за вооружениями, реальная программа мира должна включить план пересмотра и передела Версальской Европы.

Это задача небывалой трудности. Всякая уступка, справедливая или несправедливая, увеличивает и средства и напор военных держав. В этом опасность ревизионизма. С другой стороны, захватчики должны иметь перед глазами мирную альтернативу. Если не все, то нечто, существенное для их национальных интересов, они должны иметь надежду получить путем переговоров, взаимных уступок, сотрудничества. Иначе для них остается лишь путь войны. Ибо режимы, созданные насилием и живущие миром побед, не выносят бессильного прозябания. Гитлер и Муссолини, вероятно, предпочтут гибель на войне, вместе со всей Германией и Италией, одинокой собственной гибели. Вожди демократии должны проявить величайшее ди-

пломатическое искусство, чтобы растянуть во времени и ограничить в содержании эти неизбежные уступки, в расчете на выигрыш времени и радикальную перемену политической обстановки. По существу, действительное разрешение версальских проблем предполагает атмосферу умиротворенной Европы, создание действительного международного коллектива, облеченного властью и силой. Ни одна меньшинственная проблема в настоящее время — не разрешима в рамках самодовлеющего национального государства. Да и ни одна экономическая тоже. Лига Наций погибает или существует в виде своей тени, но она должна жить, если суждено жить Европе. Но жить, не как безвластный парламент наций, а как подлинный суверен — и притом единственный суверен Европы. (О мире пока говорить преждевременно).

Прежде, чем это станет возможным, очевидно, тоталитарные режимы должны перестать существовать. И последняя надежда на жизнь европейского человечества, действительно связана с гибелью всех фашистско-коммунистических тираний. Волей — не волей, «идеология» вступает здесь в свои права. Ибо есть идеологии, несовместимые с миром, не допускающие сосуществования и сотрудничества народов. Что эти идеологии не вечны, ясно само собой. Но мы уже видим своими глазами, как быстро они изнашиваются. В России коммунизм за 20 лет переродился в свою противоположность. В Германии и Италии, по словам всех очевидцев, чувствуется почти всеобщая усталость. Революционная пора фашизма прошла. Он опирается еще на молодежь и на преторианцев, но массы (и особенно средние классы) уже не увлекаются им. Они позволяют вести или гнать себя, но ворчат. В интеллигенции просыпается тоска по проданной ею свободе. Могло ли это быть иначе? Если мы не потеряли надежды на спасение души русского народа, почему отчаиваться в Германии? Сейчас многие поддаются страстному чувству гонимости и ненависти по отношению к насильникам, которые заставляют терять всякую меру в оценках. Ненавидят уже не расизм, а немецкий народ, с его душой, с его культур-

ной традицией, с его великим прошлым. Как будто опыт трех великих народов, сорвавшихся в пропасть, не говорит красноречиво о том, что катастрофа не объяснима из национальных пороков. Три провалившихся народа — это три «передовых» или модернистских народа, те, у которых сказались всего слабее консервативные устои. Они очутились впереди других, — т.-е. ближе к яме, и свалились в нее. Та же судьба грозит и всем, отсталым, но еще идущим той же дорогой, — если они не найдут другой.

Здесь мы возвращаемся к основному сгедо «Нового Града». Лишь опыт — или хотя бы серьезный план — нового строительства, на новых духовных началах, может преодолеть и пассивность демократий, плывущих по течению, и энергию мнимо-конструктивного, а на деле разрушительного тоталитаризма. Люди, «сидящие во тьме и сени смертной», — в Германии, в России, решатся сбросить с себя цепи полу-добровольного рабства, когда увидят, что есть иной выход; что мир может быть построен не на железе и крови, а на праве и свободе. Пока этой альтернативы нет, пока право и свобода служат лишь для самосохранения или продления агонии старого мира, они не соблазняют рабов и мучеников сатанинского строительства. Поэтому последний ключ к решению мирового кризиса, к преодолению войны — в духовно-социальном возрождении европейского, некогда христианского человечества.

Россия, которая играет сейчас в мировых событиях, такую важную и такую двусмысленную роль, по-прежнему окутана почти непроницаемым туманом. По-прежнему в ней не раздается ни одного свободного голоса, и все, что пишется и говорится там, если и является функцией действительности, то функцией, выражающейся очень сложным математическим уравнением. Легче ли хоть сколько-нибудь стало дышать там, когда опасность войны надвинулась вплотную? Ничто не дает права на такое заключение. Пошли разговоры — в который раз! — об уважении

к интеллигенции. Но рабство литературы показывает, какова цена этих разговоров. Национализация коммунизма продолжается — в ускоренном темпе, — но также продолжается, на первый взгляд бессмысленная борьба, с религией. Если в ней есть какой-нибудь политический смысл, он для режима убийственный: он означает, что всякая отдушина, всякая духовная жизнь — оказываются в непримиримом противоречии с потерявшим последнее нравственное оправдание режимом. Если в атеистической кампании нет никакого смысла, то каков же политический смысл самой диктатуры, которая ведет религиозную войну с народом, накануне мировой войны? И та, и другая гипотеза несут с собою приговор Сталину. И однако его власть не оспаривается. И сейчас как будто прошли сроки для счастливого предвоенного переворота. Россия входит в полосу тяжелых и ответственных событий, обремененная своим хроническим, истощающим недугом. С тревогой и болью смотрят на нее из горького «далека» сохранившие ей верность сыны. Выдержит ли? Устоит ли в грозе и буре? Найдет ли в себе внутренние силы возрождения, или новая война будет и концом России?

Повидимому, эти чувства совершенно чужды той части русской эмиграции, которая, со времени пришествия Гитлера к власти, поставила карту на завоевание и расчленение России. За последний год, в связи с ожидавшимся (и отложенным) походом Германии на Украину, пораженчество и гитлеровская ориентация разрослись чрезвычайно, захватывая и некоторые круги, которые присвоили себе роль носителей «национального общественного мнения». Эти русские националисты с легким сердцем превратились в интернационалистов и изменников. Конечно, не всякое пораженчество можно квалифицировать, как национальную измену. Опыт эмиграций всего мира требует осторожности в оценках. Но при настоящем, необычайно трудном международном положении России, которое угрожает самому ее существованию как России (а не только как Велико-россии), знак равенства между пораженчеством и изменой вполне заслужен. По мере того, как надвигается война, рус-

ские эмигранты занимают свои места — многие и в чисто военном смысле — по разным линиям фронта. Всякое единство эмиграции при этих условиях перестает существовать. Между русскими гитлеровцами и нами такая же пропасть, как между нами и коммунистами. По счастью, не все еще сделали свой выбор, и выбор не всегда — окончательный. Борьба за спасение русских людей — для России и для духовного мира — является единственной доступной большинству из нас и совершенно настоящей формой нашего служения родине и свободе.

Испанская трагедия перед судом христианской совести¹⁾

Испанская проблема представляется более сложной для христианского сознания, чем проблема русская или германская. Отношение к фронту генерала Франко, который прикрывает католичеством свое кровавое насилие над несчастным испанским народом, есть пробный камень христианской совести. Французские католики разделились по оценке Франко. Лучшие католики Франции очень болезненно почувствовали отвратительную ложь в том, что Франко выставил на своем знамени католичество. Франко много хуже Гитлера и Муссолини, которые все-таки опирались на какое-то движение внутри страны, не истребляли своей страны и не убивали своего народа при помощи иностранцев. Фронт Франко называет себя национальным, в то время как он состоит главным образом из итальянцев, немцев и арабов. Остроумна и справедлива была карикатура: Франко в беспокойстве разводит руками и говорит: «Я не могу быть спокоен, пока хоть один испанец останется на моем фронте». Война, которую ведут «нацио-

¹⁾ Статья эта была написана до занятия ген. Франко Барселоны. Но это ничего принципиально не меняет.